

А.Ю. Ермолов

*к.и.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕГО СССР (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. Работа посвящена характеристике взглядов современных зарубежных историков, экономистов и политологов на экономические проблемы позднего СССР. Считается, что реакция на эти проблемы привела к экономическим и политическим реформам, которые в конечном итоге сформировали Российскую Федерацию такой, какова она сейчас. Но был ли диагноз поставлен правильно? Современные зарубежные исследователи предложили ряд собственных интерпретаций экономических проблем позднего СССР, которые в чем-то пересекаются, а в чем-то противоречат друг другу. Каждый видит какие-то свои важные факторы, но игнорирует другие. В значительной степени расхождения предопределяются предыдущей исследовательской деятельностью и ранее сформировавшимися взглядами. Поскольку эти взгляды и опыт различаются, то единая позиция в таком сложном вопросе становится невозможной. Тем не менее в каждом направлении можно найти полезные идеи или, как минимум, обоснованные причины задуматься о необходимости дополнительного изучения, казалось бы, уже давно установленных фактов. Каковы на самом деле были причины падения совокупной производительности факторов производства? Другой пример полезной идеи, которую нужно развивать дальше — необходимость изучать происходившие в элите процессы. Надо признать, что для развития экономики элита имеет значение. Изучение взглядов зарубежных авторов помогает выявление «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий, и в том числе «слепых пятен», то есть тех очевидных явлений или процессов, которые воспринимаются как несуществующие. Такие слепые пятна неизбежны и у российских, и у зарубежных авторов, и сравнение взглядов дает шанс их увидеть и у тех, и у других. В первой части статьи рассматриваются взгляды ученых, развивавших существовавшие до распада СССР концепции.

Ключевые слова: *экономическая история СССР, распад СССР, плановая экономика, социализм, рыночные реформы, институты, элиты, бюрократия.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10409.

Введение

Одной из актуальных проблем изучения экономической истории России остается состояние экономики позднего СССР¹. Реакция на это состояние, как принято считать, запустила цепочку реформ, начатую реформой Косыгина-Либермана (а, возможно, ещё ранее реформой совнархозов). Эта цепочка реализованных и нереализованных реформ в конечном итоге привела к экономическим преобразованиям 1990-х гг., которые, в свою

¹ Поздний СССР автор понимает как период 1960–1980-х гг., границы которого несколько размыты, поскольку размыты и сами социально-экономические процессы, которые редко можно привязать к каким-то историческим событиям. Центральной его частью, где характеристики эпохи проявились наиболее ярко, можно считать время правления Л.И. Брежнева. Но многие особенности, в том числе экономические проблемы, начали проявляться несколько раньше. Что же касается периода перестройки, то с точки зрения экономических проблем это было обострение уже имевшихся негативных тенденций, осложнённое, впрочем, тем вкладом, который внесла политика М.С. Горбачева.

очередь, определили нынешний облик страны. Но был ли тогда правильно поставлен диагноз? Возможно, больную советскую экономику лечили не так и не от того, от чего требовалось? Если мы хотим обсуждать экономические реформы второй половины прошлого века, то этот вопрос требует ответа.

Отстранённость от явления — географическая, временная и эмоциональная — может дать полезный эффект. Для иностранных ученых история позднего СССР это лишь некий научный факт, который уже не имеет какого-то политического значения (хотя, конечно, и их нельзя считать абсолютно нейтральной стороной, так как часть из них успела принять участие в идеологических баталиях холодной войны). Для нас, жителей России, история позднего СССР ещё остается частью нашей собственной жизни. Большинство авторов, писавших в России на эту тему, так или иначе были вовлечены в происходившие тогда события, и их работы в силу этого не поддаются различению: находятся перед нами мемуары или же научные исследования. Типичный пример — широко известная книга Е.Т. Гайдара «Гибель империи» [Гайдар, 2006]. У таких авторов имеется в рукаве козырь, они могут апеллировать к некоему личному опыту, но для научного исследования этот козырь превращается в слабое место, так как этот опыт невозможно верифицировать другим исследователям, его можно только принимать на веру или так же на веру отвергать. Никто не будет спорить с тем, что тот же Е.Т. Гайдар был очень информированным человеком, но при этом вряд ли найдется кто-то, готовый доверять всему, что он писал, в том числе и его объективности при подборе цитат из источников.

Следует переходить к беспристрастному изучению истории позднего СССР на основе комплексного изучения архивных документов. К сожалению, это медленный процесс. И, по моим личным впечатлениям, в читальных залах архивов советской эпохи на двух иностранных исследователей приходится один местный. Разумеется, знакомство с советскими архивами ещё не означает, что исследователь непременно выдвинет какие-то интересные идеи. И, конечно, было бы ошибкой считать, что интересные идеи не может высказать автор, не изучавший советские документы непосредственно. Но всё равно складывается впечатление, что научное изучение нашей недавней истории более интересно зарубежным, а не отечественным исследователям. И это при том, что интерес к советской истории у зарубежного научного сообщества, если судить по публикациям, сильно упал.

Падение этого интереса было вполне естественным после гибели советской сверхдержавы. Причем сильнее всего «пострадал» именно поздний СССР, тогда как сталинский период сохранил определенную притягательность для исследователей. Лишённый столь явного и драматичного трагизма поздний СССР плохо подходит даже для того, чтобы быть негативным примером (с этим лучше справляется загадочная Северная Корея). Что же касается его экономических проблем, то на них обращают внимание только в более широком контексте. Это либо часть большого нарратива о советской истории, либо продолжение рассказа о судьбе сталинской экономики. И в том, и в другом случае интересующая нас проблематика занимает второстепенные позиции. Но это не значит, что в этих работах не может быть высказано интересных идей, продуктивных хотя бы с точки зрения критической полемики, а может быть даже и как указатель направления дальнейших научных поисков. Кроме того, изучение этих взглядов может быть полезно с точки зрения выявления «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий, и в том числе «слепых пятен», то есть тех очевидных явлений или процессов, которые воспринимаются как несуществующие. Такие слепые пятна неизбежны и у российских, и у зарубежных авторов, и сравнение взглядов дает шанс их увидеть и у тех, и у других [Ореховский, 2019. С. 29–30].

Часть авторов, об идеях которых будет идти речь, продолжала развивать старые, сформировавшиеся ещё до падения СССР концепции. Для западной советологии это были два противостоящих друг другу течения: «тоталитарная» школа (название не совсем удачное, так как её сторонники не поддерживали тоталитаризм, а, наоборот, активно высту-

пали за борьбу с ним) и ревизионизм, который в данном случае означал ревизию взгляда на СССР как тоталитарное государство. К этой же части следует отнести китайских марксистов, которые продолжили рассматривать историю позднего СССР как результат отхода от марксизма, произошедшего во времена Хрущева. В новых условиях этим авторам нужно было отчасти подтвердить правоту своих взглядов, отчасти откорректировать их, используя новую доступную информацию, в том числе архивные источники. Некоторые из них, как мы увидим, в целом остались на прежних позициях, другие же пошли на серьезную модификацию своих концепций. Так, например, Мартин Малиа сосредоточился на доказательстве того, что «тоталитарная» школа всё-таки была права в своих оценках, а Пол Грегори, исходно занимавший позиции, близкие к «тоталитарной» школе, сильно видоизменил свою концепцию, учитывая тот богатый фактический материал, с которым он ознакомился в российских архивах. Моше Левин же, хотя и уделил время изучению советских документов, в целом изложил в своей книге всё те же взгляды, характерные для ревизионистского направления во времена его расцвета.

Другая группа авторов предлагает новые концепции. Иногда они лежат в русле старых течений. Так, взгляды Роберта Аллена и Арча Гетти отчасти можно считать продолжением ревизионистской традиции (в основном за то, что оба они хотят пересмотра господствующих в науке взглядов), хотя их объяснительные модели уже совсем иные, что может продемонстрировать их сравнение с «классическим» ревизионистом Левином. Но в целом эта группа предлагает искать корни проблемы не там, где их искали раньше: в глобальных и локальных структурных сдвигах, в устройстве инновационного механизма, в политическом и экономическом поведении элиты и т.д.

Мейнстрим

Если можно говорить о какой-то мейнстрим-позиции по отношению к экономической истории позднего СССР, то её можно определить как фигуру умолчания. Незачем тратить время на изучение этого вопроса, потому что социалистическая экономика с самого начала была обречена на провал.

Здесь, конечно, есть некий элемент лукавства, поскольку такая «фигура умолчания» позволяет избежать постановки некоторых неудобных вопросов. В частности, если мейнстримные западные экономические теории так хороши, то их применение в России должно было укрепить экономику нашей страны, особенно в сочетании со скидыванием с плеч тяжкой ноши гонки вооружений. Экономика бывшего СССР должна была стать новым «евроазиатским тигром». Но почему-то вместо этого произошёл экономический спад и структурная деградация. В принципе можно предложить много разных объяснений этому факту, не затрагивающих честь мейнстримной экономической теории (и далее в этом тексте некоторые из них будут обсуждены более подробно), но проще всего с точки зрения затрат умственных усилий было сказать, что ничего и не было, а вся советская мощь — это «бумажный тигр», просто результат дезориентирующей пропаганды и неадекватных предвзятых оценок советологов, причём как левых, так и правых. Первые хотели представить в лучшем свете реализацию любимой ими социалистической идеи, тогда как вторые желали мобилизовать на борьбу с коммунистической угрозой западное общество (кроме того, это был ещё и вопрос дефицита бюджета, расходов на оборону и ВПК).

Конечно, такая позиция уязвима для критики, так как очевидно, что не бывает великой державы без экономического базиса соответствующих размеров. Советские ракеты и атомные боеголовки (а также много других современных и сложных видов вооружений) — это геополитическая реальность, и они откуда-то должны были появляться. Причем это не может быть экономика, целиком находящаяся на устаревшем технологи-

ческом уровне, или же чей высокотехнологический сектор ограничен военной промышленностью. Проверочным примером может служить современная Россия, где военная промышленность действительно осталась последним высокотехнологичным сектором. Но этот сектор без поддержки других отраслей не способен к серийному производству новой техники, а делает её лишь для парадов.

Интерпретацию советской истории как полного экономического провала предложил Мартин Малиа² в своей книге «Советская трагедия». По его мнению, не было никакого «застоя», а период брежневского СССР лучше будет называть временем упадка и распада [Малиа, 2002. С. 372]. Этот распад привел к тому, что к началу 1980-х гг. экономика и инфраструктура страны лежала в руинах. Что же касается экономической статистики, то не только ЦСУ фальсифицировало данные, но и альтернативные оценки ЦРУ были совершенно неправдоподобными, так как фиксировали рост там, где система в действительности переживала спад. Причину он видит в том, что экономику советского типа невозможно сравнивать с нормальными рыночными экономиками, и традиционные методы оценок тут неприемлемы, как и сами агрегированные показатели, такие, как валовый национальный продукт, поскольку придуманы для совершенно других условий [Малиа, 2002. С. 381].

Неадекватность традиционных представлений, господствующих в социальных науках — один из главных побудительных мотивов для исследования Малиа. Он полагает, что допущенные исследователями Советского Союза ошибки связаны не только с тем, что СССР слишком сильно отличался от «нормальных» стран, но и с дефектами, заложенными в основание этих традиционных представлений. Эти представления в значительной степени опираются на идеи симпатизировавшего социализму Э. Дюркгейма и слишком полагавшегося на бюрократическое регулирование М. Вебера, не говоря уже о самом К. Марксе. Неудивительно, что на такой почве появляются, к примеру, идеи о конвергенции систем (которая подразумевала не только движение СССР в сторону рыночной экономики и демократии, но и встречное движение стран Запада в сторону большего государственного регулирования). Поэтому неспособность предсказать результаты советского эксперимента, как считает Малиа, должна стать «отправной точкой переоценки основных общественно-научных постулатов» [Малиа, 2002. С. 16].

Возврат к «зверским методам» сталинского периода был невозможен из-за того, что экономика усложнилась. Но и какие-то другие пути были закрыты тоже, так как система была принципиально нерепформируемой. По мнению Малиа, «экономическая реформа в централизованной экономике возможна только в одном направлении — к децентрализации и рынку» [Малиа, 2002. С. 378]. Но такой путь противоречил природе системы, даже в таком умеренном варианте, как «реформы Либермана». «Сталинская система» была бы поставлена с ног на голову, и потребовалось бы реформирование самой «партии-государства». Поэтому самые робкие попытки внедрения рыночных элементов сводились на нет. «Режим, усилив традиционные административно-командные методы, получил и обычные контрпродуктивные результаты; тем не менее, высказываться в пользу проведения какой-либо иной политики было по-прежнему невозможно» [Малиа, 2002. С. 378].

Поэтому, например, впустую были потрачены огромные капиталовложения в сельское хозяйство, которые не только не окупились, но и привели к превращению деревни из источника накопления капитала для индустриализации в непосильное бремя для остальной экономики [Малиа, 2002. С. 380]. Малиа считает, что положение в позднесоветской деревне было настолько плохим, что можно говорить об обнищании крестьянства (в связи с этим

² Мартин Малиа — американский историк, профессор Калифорнийского университета. Помимо своего наиболее известного труда «Советская трагедия» был автором книг и статей о зарождении социалистических идей в России и о русской революции, а также о восприятии российской истории западными исследователями. Активно критиковал т.н. ревизионистов за то, что они игнорировали истинную природу СССР как тоталитарного государства.

напрашивается аналогия с советской исторической наукой, у которой тоже крестьянство непрерывно нищало вплоть до 1917 г.). В целом взгляд автора на экономическое положение СССР выглядит так: «качество советских товаров (за исключением изделий военного назначения) неуклонно снижалось, инфраструктура и недвижимость — от железных дорог и производственных предприятий до жилищного фонда — приходили в упадок в масштабах страны, которая к 1980-м гг. по большей части буквально превращалась в руины» [Малия, 2002. С. 385]. Здесь приходится отметить, что, по крайней мере, некоторые из оценок Малия неверны. Так, инфраструктура, построенная в поздний советский период, вовсе не представляла собой руины, а, напротив, показала большой запас прочности в последующие 20 лет постсоветского существования и только затем стала действительно создавать проблемы.

Одним из вопросов, которые обсуждали в рамках советологии, было влияние на экономику стратегии экстенсивного роста, которой следовало руководство СССР (в данном случае понятие экстенсивный рост следует понимать как стратегию роста за счёт увеличения вложений капитала). Например, Мартин Вейцман полагал, что эта стратегия служит причиной снижения темпов роста продуктивности, замедляет технический прогресс, препятствует адаптации западных технологий и в целом не оправдывает себя [Weitzman, 1970. P. 676–692]. Но после распада СССР У. Истерли³ и С. Фишер⁴ предложили свою интерпретацию проблемы, снимающую ответственность с экстенсивного экономического роста и перекладывающую его целиком на плечи советской экономической системы. Для этого Истерли и Фишер использовали сравнительный анализ СССР и других стран, следовавших стратегии экстенсивного экономического роста. Сравнительное изучение статистики позволило им сделать вывод, что растущее соотношение капитал/продукция характерно для многих стран мира (в том числе Японии, Кореи, Австрии, Франции). Уникальность Советского Союза была в исключительно низкой отдаче от вложенного капитала. По этому показателю СССР был сопоставим только с небольшой группой наиболее отсталых маленьких стран третьего мира: Ямайкой, Гвианой, Замбией и Мозамбиком [Easterly, Fischer, 1995. P. 11].

Причину такого провала советской экономики по сравнению с рыночными экономиками, использующими стратегию экстенсивного роста, Истерли и Фишер видят в том, что «при авторитарно управляемой экономической системе она аккумулирует более узкий, а не широкий набор инвестиционных товаров. Пропадают некоторые формы физического или человеческого капитала, такие как способность к рыночно-ориентированному предпринимательству, маркетингу, информационно-интенсивный физический и человеческий капитал (из-за ограничений потоков информации)» [Easterly, Fischer, 1995. P. 23].

Статья Истерли и Фишера оказала большое влияние на научное сообщество и многократно цитировалась другими авторами. Но в их расчётах есть слабое место. Они по понятным причинам не доверяют советской статистике экономического роста и используют альтернативные оценки. Но при этом данные советской статистики об инвестициях и накопленном капитале им представляются более точными (Истерли и Фишер объясняют это тем, что таков классический подход западной науки, не приводя больше никаких других аргументов). Хотя, казалось бы, закономерно должен был встать вопрос: за счёт чего возникает столь существенный рост инвестиций в стране с очень маленьким экономическим ростом и уже сложившейся структурой экономики с преобладанием производства инвестиционных товаров, при этом ещё и втянутой в усиливающуюся гонку вооружений. Кроме того, есть основания с большей осторожностью относиться к данным ЦСУ не только в оценке эконо-

³ Уильям Истерли — американский экономист, профессор Нью-Йоркского университета. Специалист по эконометрике.

⁴ Стенли Фишер — американско-израильский финансист, на момент публикации статьи — заместитель директора МВФ, ранее — вице-президент Всемирного Банка. Автор ряда трудов по экономике, считается одним из теоретиков неокейнсианства.

мического роста, но и в их расчётах балансов основных фондов. Как отмечают современные исследователи этого вопроса И.Б. Воскобойников и Е.В. Дрябина, «проблемы несоответствия фактических и отчетных выбытий и неоднородность качества переоценок выбывающих фондов делают его менее надежным» [Воскобойников, Дрябина, 2010. С. 36].

Стоит обратить внимание, что Истерли и Фишер ориентируются на оценки роста советского ВВП, предложенные Г.И. Ханиным в статье «Лукавая цифра» и затем в исследовании «Динамика экономического развития СССР», но при этом, как иногда случается с эконометристами, просто используют полученные в чужих исследованиях численные данные, не придавая значения или даже просто не затрудняя себя ознакомлением с их содержательной частью. Иначе они бы обратили внимание, что «сердцевина» концепции Ханина — тезис о завышенности цен (скрытой инфляции) на продукцию машиностроения (то есть ключевого инвестиционного товара). Причем механизм завышения цены, как подчёркивал Ханин, имел место преимущественно в машиностроении, где можно было, во-первых, постоянно обновлять модельный ряд, а, во-вторых, потребителями выступали другие государственные организации, которые не придавали большого значения росту цен, так как могли перекладывать свои убытки на государство [Ханин, 1987]. Этот механизм вел к тому, что цены на станки росли на порядки, а их производительность — на десятки процентов. Не желая здесь погружаться в рассмотрение уязвимых мест концепции Ханина⁵, замечу лишь, что принимая предложенные им оценки роста советского ВВП, надо также признавать объемы капитальных вложений раздутыми за счёт преувеличения цены на оборудование даже не в разы, а на порядок. Также не стоит в таком случае игнорировать, что Ханин полагал, что экономика СССР страдает не от избытка, а от недостатка капитальных вложений.

Крупным исследователем истории советской экономики заслуженно считается Пол Грегори⁶, автор книги «Политическая экономия сталинизма». В какой-то мере он следует идеям мейнстрима, но большое влияние на него оказало более глубокое знакомство с фактическим материалом, в том числе реальной практикой работы управленческого механизма СССР. Идейным основанием книги Грегори стали взгляды на плановую экономику Людвига фон Мизеса и Фридриха фон Хайека. Как известно, два этих мыслителя полагали, что плановая экономика неизбежно потерпит крах, что рациональное планирование невозможно, что без рыночных цен невозможны экономические расчёты, а без рыночных стимулов недостижимо эффективное управление [Мизес, 1993; Хайек, 1992]. Поддерживая эти идеи, Грегори изучал советскую экономику 1930-х гг., чтобы обосновать их практическими примерами. И, конечно, советские документы этого периода обеспечили его достаточным фактическим материалом, свидетельствующим о хаосе, просчётах, неудачных импровизациях, сопровождавших становление советской экономической системы. В то же время для Грегори очевидно и другое: советская система просуществовала дольше, чем должна была, если бы Мизес и Хайек были во всем правы. Объяснение он видит в том, что реальные процессы функционирования экономики в СССР были весьма сложными и «остаются до сих пор недостаточно осмысленными» [Грегори, 2006. С. 16]. Их ещё надо изучать, в том числе учитывая реальное распределение полномочий между руководителями разных уровней,

⁵ Например, то, что его методика расчёта ВВП по «физическим» показателям никогда не применялась к другим странам. Или его слишком узкое понимание производительности оборудования, из-за чего он игнорирует некоторые аспекты автоматизации, например то, что роботизированный станок может не иметь преимущества перед обычным с точки зрения технологической производительности, но при этом производит продукцию без участия человека и не только экономит зарплату, но и обеспечивает значительно более высокую точность (качество) обработки.

⁶ Пол Грегори — американский экономист, историк экономики. Профессор Хьюстонского университета, научный сотрудник Гуверовского института. Изучал экономическую историю России позднего имперского периода и сталинского СССР. Много времени провел за изучением советских архивных документов.

возможности для самостоятельных действий и отклонений от планов, наличие теневой экономики.

Грегори ставит вновь уже до него прозвучавший вопрос: жокей или лошадь? Кто всё-таки виноват в провале? Для него ответ очевиден — конечно, виновата «лошадь». В конце концов, «жокеев» было много, они сменяли друг друга. И даже во времена всемогущества Сталина «жокей» никогда не был один, рядом со Сталиным всегда была большая группа руководителей, «маленьких Сталиных», без которых «большой» Сталин не мог бы управлять [Грегори, 2006. С. 339]. Таким образом, «жокей» менялись, а вот «лошадь» оставалась неизменной. Все попытки её реформировать провалились. Более того, попытки реформ приняли характер «бега по кругу». Впервые идеи реформировать систему управления путем перевода предприятий на самофинансирование были предложены в 1931 г., и с тех пор они всплывали снова и снова, но так и не были реализованы до 1987 г. [Грегори, 2006. С. 320–321]. Но Грегори сомневается, что такие реформы могли бы сработать. В чьих интересах стали бы действовать предприятия, если бы контроль за ними ослаб? Разве они смогли бы действовать эффективно в условиях отсутствия рыночных институтов? Поэтому закономерно, что попытка реализации этих реформ привела к краху производства [Грегори, 2006. С. 322]. Система была неререформируема, необходимы были не реформы, а транзит к рыночной экономике.

Анализируя причины падения темпов экономического роста в позднем СССР, Грегори в первую очередь перечисляет системные причины, связанные с превосходством рыночной экономики над социализмом. Нарастающая сложность системы создавала всё больше препятствий в управлении экономикой административными методами, в то время как рыночную экономику возрастающая сложность не делает менее эффективной. Рыночные экономики пользуются «созидательным разрушением», уничтожая старые производства и даже отрасли, чтобы их заменили новые. В СССР же крупнейшие производители оставались в этой роли с 1930-х г. и до конца. Форсированные капиталовложения вели к убывающей отдаче. Рыночная экономика давала систему стимулов и ориентиров для оценки эффективности, а в СССР этого не наблюдалось.

Все эти замечания не новы, и ради них не стоило бы писать книгу. Но, когда автор начинает использовать фактический материал и делать выводы на его основании, в том числе обращаясь к модели «принципал-агент» М. Дженсена и У. Меклинга [Jensen, Meckling, 1976], возникает некий диссонанс с изложенным выше комплексом идей. Ещё заметнее этот диссонанс становится, если посмотреть на текст лекции Грегори о гибели советской экономики [Грегори, 2014]. В ней он объясняет эту гибель идеальным штормом, то есть таким совпадением внешних и внутренних для системы обстоятельств, которые она не смогла выдержать в совокупности, хотя каждое из них по отдельности не было смертельным. Главными внутренними проблемами были дефекты экономической системы, но их список, предложенный Грегори, несколько отличается от традиционно предлагаемого набора. Это использование принципа планирования от достигнутого, мягкие бюджетные ограничения, лоббирование и господство клановых интересов, некомпетентность последнего поколения элиты, вышедшего в основном из комсомольской среды, а не из инженерно-технической, как предыдущие.

Здесь можно найти некоторую параллель взглядов Грегори и другого исследователя советской экономики — Марка Харрисона⁷, которые он высказал в лекции «Спотыкающийся медведь, парящий дракон: мог ли Советский Союз пойти по китайскому пути?» [Харрисон, 2014]. В ней он свёл проблему СССР к отсутствию объективных показателей эффективности деятельности руководящих кадров. В то время как в Китае существует система

⁷ Марк Харрисон — британский историк, профессор Уорвикского и Бирмингемского университетов. Автор исследований по военной экономике в период мировых войн. Много работал в советских архивах.

показателей, дающих оценку работы руководителей на разных уровнях, от маленького города до провинции, и эта система позволяет выявлять и продвигать наиболее успешных руководителей. В СССР ничего подобного создано не было, и региональные руководители не были заинтересованы в экономическом росте. Причиной он считает слишком мелкое административно-территориальное деление СССР, области которого по населению были на порядок меньше, чем китайские провинции.

Создается впечатление, что значительная часть реальных проблем, о которых пишет Грегори (также как и проблема, о которой говорил Харрисон), могла быть решена за счёт перераспределения полномочий между звеньями управленческой цепочки и принципиального изменения использовавшихся практик, которые зачастую возникли довольно случайно. Где-то в руках у низовых исполнителей полномочий оказалось слишком много, а в каких-то вопросах их, наоборот, загнали в слишком жесткие рамки (как, например, председателей колхозов, которым из обкома предписывали, что и когда сеять). Если это было действительно так, то препятствия к необходимым изменениям могли лежать не в области советских экономических институтов, а в сфере властных отношений. В конце концов, проблема взаимоотношений «агент-принципал», о которой так много пишет Грегори, была придумана вовсе не для советской, а для рыночной экономики, и, следовательно, тоже там существует. Конечно, для неё нет идеального решения, но можно добиться (и в том числе добиться в рамках советской системы) приемлемого сочетания интересов.

Другая же часть проблем 1930-х гг. выглядит как следствие того, что попытка построения социалистической экономики была предпринята с негодными средствами как техническими, так и человеческими. Большинство управленцев, в том числе сам И.В. Сталин, не имели нужных качеств и знаний для того, чтобы выполнять выпавшие им задачи. Очевидно, что, скажем, Г.К. Орджоникидзе не обладал компетентностью и опытом, необходимыми для руководства промышленностью, и не мог управлять ею какими-то другими методами, чем он практиковал. Сталин же сосредоточил в своих руках слишком много полномочий и в силу этого расплывал свое внимание между действительно важными и второстепенными вопросами, причём второстепенные вопросы преобладали. Но после прихода нового поколения даже в условиях сохранения у власти Сталина со всеми его недостатками эти негативные факторы должны были ослабнуть, а внутренняя административная культура — измениться. Но изменилась ли она? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны исследования более широкого исторического периода, чем у Грегори, и, возможно, с другой методологией.

Традиционный ревизионизм

Ревизионизм некогда был господствующим в советологии направлением. Его последователи критиковали концепции, описывающие Советский Союз как тоталитарное государство, и считали, что необходимо в первую очередь изучать реальные процессы, происходящие в советском обществе, а не идеологические доктрины. Но авторитет ревизионизма сильно пострадал после того, как его последователи не смогли предсказать распад СССР (хотя главная альтернативная концепция также не была способна объяснить это событие). В результате сторонники ревизионизма подверглись едкой критике, упрекавшей их в непонимании природы советской системы, попытках представить её современной и эффективной, преувеличении её возможностей. Показательны с этой точки зрения многочисленные инвективы в адрес мейнстримных советологов того времени, содержащиеся в книге и статьях М. Малиа [Малиа, 1997].

Несмотря на такую утрату позиций, да ещё и на фоне сильно снизившегося научного интереса к теме, среди западной науки сохранились немногочисленные последователи ревизионизма, которые попытались дать свое объяснение краха СССР и описать его вну-

тренные проблемы. Наиболее известной и убедительной попыткой защитить ревизионистские позиции стала книга Моше Левина⁸ «Советский век».

Продолжая следовать традициям ревизионизма, Левин начинает с анализа протекавших в обществе процессов. В первую очередь это урбанизация, изменившая облик советского общества. В результате режим столкнулся с новой, более сложной для него социальной реальностью, к которой пришлось приспособляться, что происходило довольно неумело. В целом «методы плановой экономики не вышли за границы эффективности модели 1930-х годов», которая предполагала «щедрое распределение инвестиций с расчётом на способность системы мобилизовать трудовые ресурсы, когда и где потребуется» [Левин, 2008. С. 529]. Между тем советская экономика столкнулась с дефицитом трудовых ресурсов, вызванным прекращением притока рабочей силы из обезлюдевшей деревни, а также сокращением рождаемости. В этих условиях не просто было невозможно обеспечить планы развития страны соответствующими трудовыми ресурсами, но даже имеющиеся недостаточные ресурсы двигались в направлении, противоположном желаемому.

Парадоксальным образом, испытывая жестокий дефицит трудовых ресурсов, советская экономика сохраняла избыточную занятость на ряде предприятий. И этот факт обращает внимание на многочисленные примеры неэффективного администрирования, которое порой сложно отделить от прямой коррупции. Утаивание производственных ресурсов, потеря ценных материалов, растраты средств на ненужные поездки и роскошные приемы — всё это, безусловно, не шло на пользу советской экономике. Здесь возникает вопрос: не слишком ли автор проникся духом изучаемых им документов советской эпохи? Не потерял ли он в данном случае объективность? В конце концов, многочисленные деловые поездки — это естественный показатель экономической активности, а роскошные приемы, возможно, выглядели роскошными только в глазах советского чиновника.

Левин, анализируя предпринятые советской системой поиски выхода из сложившейся ситуации, считает, что «реальная задача была по силам разве что Гераклу» [Левин, 2008. С. 522]. Проблемы в данном случае выходят за пределы экономической сферы, и Левин обращается к анализу феномена советской бюрократии. Эту бюрократию он представляет как отдельную группу, противостоящую как «деспотизму Политбюро», так и остальному советскому обществу. Далее он говорит о гигантских размерах этого слоя (в зависимости от выбранных критериев, он мог превышать 13 млн человек) [Левин, 2008. С. 546] и о его тенденции к постоянному росту. Безусловно, эта цифра огромна, и её радикальное сокращение могло бы хотя бы частично решить проблему дефицита трудовых ресурсов. И автор с некоторой иронией упоминает о несбывшихся надеждах на такую перспективу.

Проблема, однако, состоит ещё и в том, что максимальная оценка численности бюрократии, которой предпочитает пользоваться автор, отражает не только и не столько те тенденции саморазмножения бюрократического монстра, которые имел в виду Левин и те советские аналитики, которые это число создали и использовали. Само это число включает в себя не только бюрократов, но и почти весь слой советских «белых воротничков» (в число вошли те, кто занят в производственном секторе, но не участвует непосредственно в производстве), и в первую очередь указывает на процессы усложнения и интеллектуализации советской экономики. Более того, возможно, тревожным показателем был не слишком быстрый, а слишком медленный рост этого числа (и, возможно, качественные недостатки

⁸ Моше Левин (Миша Лювен) (1921-2010) — ученый, работавший во Франции, Британии и США, профессор Бирмингемского и Пенсильванского университетов. Родился в Вильнюсе, служил во время войны в Красной Армии, потом эмигрировал в Израиль. Автор большого числа работ по истории СССР, в том числе по вопросу взаимоотношений власти и крестьянства накануне и в начале коллективизации, о борьбе В. И. Ленина с растущим влиянием бюрократии в последние годы его жизни, о социальных корнях советской системы. В своих работах он отстаивал менее политизированный взгляд на историю СССР, призывал к восприятию советской политики в духе «Realpolitik», что противопоставляло его сторонникам концепции тоталитаризма. Считается одним из основателей ревизионизма.

его слагаемых). Во всяком случае можно утверждать, что слой «белых воротничков» и, более широко, среднего класса был в развитых западных странах толще и нарастал быстрее. И ещё более тревожным был сам факт того, что советские аналитики использовали этот показатель, поскольку это свидетельствовало об их непонимании происходящих в экономике процессов, потребностей экономики, а также перспективных направлений её развития (мы можем говорить об этом с высоты прошедших 50 лет).

Впрочем, эта критика не ставит под сомнение другой важный вывод Левина, рост независимости советской бюрократии, перед которым вынуждена была отступать воля «коллективного диктатора» Политбюро. Левин отмечает, что «настоящее осуществление политики и реализация политики приняли форму затянувшихся торгов между различными государственными органами» [Левин, 2008. С. 549]. Эта независимость опиралась в том числе и на тот факт, что коммунистическая партия из политической организации превратилась в ещё одну бюрократическую структуру [Левин, 2008. С. 551]. И эта структура одновременно боролась с другими бюрократическими структурами за власть и влияние и переплеталась с ними в тесных связях, обусловленных законными и незаконными интересами. Тезис о правящей партии в этих условиях оказывался просто ещё одним советским мифом, не имеющим отношения к реальности. Партийные руководители претендовали на то, что только они заботятся об интересах государства в целом, в то время как остальные пекутся только о своих ведомствах. Но Левин считает, что это заявление следует не принимать за чистую монету, а рассматривать в контексте борьбы между группами бюрократии за «место главного выразителя интересов государства». Возрождение реальной внутрипартийной жизни и восстановление политического значения партийных институтов, по мнению Левина, могло бы дать новый импульс к преодолению пороков советской системы, обеспечив давление на бюрократию и сверху, и снизу, но этого так и не произошло [Левин, 2008. С. 584].

Нарастающая независимость и бесконтрольность бюрократического аппарата вела к развитию теневой экономики. Те самые её просчёты и дефекты, которые не получалось исправить сверху, облегчались за счёт не вполне легальных действий снизу. Все это порождало мутную среду, в которой формировалась огромная армия «толкачей». Их деятельность постепенно превращала советские предприятия из контролируемых государством в контролируемые отдельными представителями аппарата, которые фактически стали несменяемыми. В такой среде уже была невозможна какая-либо спущенная сверху экономическая реформа, если она противоречила интересам бюрократии (Левин исходит из того, что реальная оптимизация экономики им противоречила). Это движение вело в конечном итоге к будущей приватизации и представляло собой процесс «кристаллизации примитивного капитализма внутри экономики, принадлежащей государству» [Левин, 2008. С. 581]. Таким изящным ходом Левин перекладывает ответственность за провалы советской экономики на капитализм, который в ней зарождался.

Концепция Левина интересна тем, что продолжает старую, хорошо разработанную традицию и вместе с тем встраивает в себя новые источники, в первую очередь ставшие доступными после распада СССР документы. Но при этом сама она во многих частях вызывает вопросы. Так, очевидны причины, по которым попытки повысить эффективность советской экономики неизбежно задевали те или иные интересы. Но, если вдуматься, здесь для бюрократии имеет место дилемма, поскольку в целом как социальный слой она была тем больше заинтересована в разрешении этих проблем, чем устойчивей становилось её положение (достаточно вспомнить, каким катастрофическим обесцениванием контролируемых бюрократией богатств всё это закончилось в итоге). В истории было множество примеров таких дилемм между оппортунистическими интересами отдельных представителей господствующего слоя и его общими интересами. И далеко не всегда эти дилеммы решались в пользу оппортунистических индивидуумов. Если советские бюрократы сами отпилили сук, на котором сидели, почему в данном конкретном случае слепой эгоизм возобладал над голосом разума?

Очевидное недоработанное место концепции — переход от проблемы исчерпанности трудовых резервов к вопросу о дисфункциях бюрократического управления. Сама проблема была действительно очень важной. И более того, в данном случае уместно говорить о сбоях в работе системы, так как внутри СССР имелись ещё обширные трудовые ресурсы, но система оказалась не способна их задействовать. Трудовые ресурсы были остродефицитными в крупных промышленных центрах, их запасы были исчерпаны в русской деревне. Но при этом в Средней Азии проблема была прямо противоположной: демографический взрыв опережал возможности экономики создавать там новые рабочие места. Дефицит рабочих мест проявлялся и в малых городах более развитых республик. Кроме того, оставалось огромное число неэффективных заводов и фабрик с устаревшим оборудованием, на которых непроизводительно растрачивался труд. В целом советская экономика оказалась очень негибкой с точки зрения территориальной мобильности рабочей силы. В каких-то случаях можно всё списать на бюрократические элиты, но очевидно, что свою роль сыграла более широкая гамма факторов. Особенно если говорить о главном неиспользованном резерве, Средней Азии. Тут явно имел место не просто сбой в экономической политике, а провал политики культурной интеграции. Всё это требует дополнительного тщательного изучения, в том числе и в сравнительном аспекте с сегодняшней экономикой Российской Федерации, широко использующей этот трудовой ресурс.

Китайские марксисты

Тезисы о «кристаллизации капитализма» одного из основателей ревизионистского направления в изучении истории СССР парадоксальным образом находят свою параллель в выводах китайских марксистов о капиталистическом перерождении советской системы. К сожалению, по целому ряду причин у нас очень мало возможностей ознакомиться со взглядами китайских ученых. Но тем ценнее для нас те немногие возможности ознакомиться с их идеями, которые у нас всё-таки появляются. Китайские ученые уже в силу исторического положения своей страны должны предложить свою точку зрения, отличную от господствующей на Западе. Их страна — наследник Советского Союза в роли лидера мирового коммунистического движения и, в отличие от СССР, пример удачных экономических реформ по переходу к рыночной экономике. Свой взгляд на то, почему с Советским Союзом случилось то, что случилось, китайские ученые изложили в сборнике «Над этим размышляет история» под редакцией Ли Шеньмина⁹.

Как считает Ли Шеньмин, «коренная причина огромных перемен в Советском Союзе кроется не в «сталинской модели», т.е. в «советской модели социализма», а в отходе и в предательстве марксизма, социализма и интересов широких народных масс хрущевской и горбачевской кликой» [Ли Шеньмин, 2012. С. 16]. Он полагает, что надо разделять основной политико-экономический режим и конкретные механизмы управления. Основной политико-экономический режим в СССР был правильным. Что же касается конкретных механизмов управления, то во времена Ленина и Сталина они в целом, несмотря на ряд допущенных ошибок, отвечали стоявшим задачам, но затем их требовалось реформировать: развивать социалистическую демократию, совершенствовать законодательство, устранить культ личности. Но главной причиной экономических проблем были не недостатки механизмов управления, а нарастание проблем внутри компартии, причём само это нарастание проблем было связано с отходом её руководства от марксизма, а не с какими-то иными внутренними или внешними проблемами [Ли Шеньмин, 2012. С. 47].

⁹ Ли Шеньмин — профессор Китайской Академии общественных наук, член Постоянного Комитета Всекитайского Совета Народных Представителей.

Ещё один автор сборника, Чень Чжихуа¹⁰, рассказывает о выводах, к которым пришли авторы коллективного труда «Не терять бдительность — размышления о распаде КПСС: 20 лет спустя». Советская социалистическая модель, по их мнению, не была лишена недостатков, и эти недостатки начали усиливаться в 1950-е гг. Но руководство СССР не смогло вовремя скорректировать политику и провести необходимые реформы. Напротив, те реформы, которые оно проводило, вели страну в конечном итоге к отказу от социализма и распаду страны [Чень Чжихуа, 2012. С. 167]. Внутри КПСС сформировалась группа руководителей, которые сначала просто не хотели менять статус-кво из-за своих коррупционных интересов, а затем захотели таких преобразований, которые позволили бы им снять ограничения с использования власти в целях личного обогащения.

Могут представлять интерес взгляды Хе Генъцяна, изложенные им в статье «Про-западная ориентация экономической науки — одна из важнейших причин распада СССР. Размышления над программой 500 дней». Хе Генъцян, как и следует из заголовка, более всего уделяет внимание вышеупомянутой программе «500 дней», которую он считает «раковой опухолью, появившейся в результате прозападной ориентации экономической науки» [Хе Генъцян, 2012. С. 107]. Но он видит корни проблемы глубже, полагая, что «руководство КПСС, начиная проводить реформы, уже преклонялось перед современной западной буржуазной экономической наукой» [Хе Генъцян, 2012. С. 107]. Оно восприняло идею «универсальных ценностей» и наивный идеалистический подход «нового мышления». Под воздействием руководства всё большее значение среди экономистов приобретали сторонники западной модели. Из-за своей прозападной ориентации советская экономическая наука представляла недостатки экономики, которые вполне можно было преодолеть путём реформ, как неизлечимую болезнь. Впрочем, проблемы начались ещё раньше. Уже в 1965 г. дискуссии вокруг экономической реформы показали дефекты экономической науки в СССР, где боролись две ошибочные точки зрения. Одна противопоставляла социалистическую экономику и товарно-денежные отношения, в то время как другая отрицала государственную экономику и предлагала переход к рынку [Хе Генъцян, 2012. С. 112].

Западные экономические теории, с точки зрения Хе Генъцяна, не были злом сами по себе, в них тоже содержались какие-то элементы, достойные изучения. Но нельзя было реформировать социалистическую экономику, ориентируясь только на эти учения. То есть фактически статью Хе Генъцяна можно понять как критику монополизма в научной сфере. В конце 1980-х, несмотря на декларируемую свободу слова, все направления, кроме одного, фактически были дискредитированы, и рыночные реформы представлялись безальтернативными. Впрочем, следует оговориться, что точка зрения Хе Генъцяна не является безальтернативной в китайской науке, многие представители которой писали о необходимости рыночных реформ в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Аллен Р.С. (2013). От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН.
- Арсланов В.В. (2016). География, институты и история глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт Экономики РАН.
- Воскобойников И.Б., Дрябина Е.В. (2010). Историческая статистика основных фондов российской промышленности в 1970-2004 годах / Вопросы статистики. №3. С. 28–45.
- Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН.
- Гетти А. (2016). Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН.
- Гловели Г.Д. (2009). Геополитическая экономия в России: от дискуссии о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.). СПб.: Алетейя.

¹⁰ Чень Чжихуа — ведущий научный сотрудник Института мировой истории Китайской Академии Общественных Наук.

- Грегори П. (2006). Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН.
- Грегори П. (2014). Почему развалилась советская экономика // Вестник Европы. №38–39. С. 114–123.
- Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер».
- Ермолов А.Ю. (2013). Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя.
- Запарий В.В. (2007). Черная металлургия Урала в 70-е гг. XX века. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ.
- Истер Дж. М. (2010). Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН.
- Кастельс М. Кисилева Э. (1999). Кризис постиндустриального этатизма и коллапс Советского Союза // Мир России. №3. С. 3–56.
- Коткин С. (2018). Предотвращенный армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение.
- Левин М. (2008). Советский век. М.: Издательство «Европа».
- Ли Шеньмин. (2012). Разложение КПСС — коренная причина распада СССР // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China). С. 1–65.
- Малиа М. (1997). Из-под глыб, но что? // Отечественная история. № 5. С. 93–109.
- Малиа М. (2002). Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН.
- Мизес Л. (1994). Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy.
- Модсли Э., Уайт С. (2011). Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены. 1917–1991. М.: РОССПЭН.
- Ореховский П.А. (2019). Структуры когнитивности и российские реформы. М.: Институт экономики РАН.
- Хайек Ф. А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.
- Ханин Г.И. (1991). Динамика экономического развития СССР. М.: Наука.
- Ханин Г.И., Селюнин В.И. (1987). Лукавая цифра // Новый мир. № 2. С. 181–201.
- Харрисон М. (2014). Спотыкающийся медведь, парящий дракон: мог ли Советский Союз пойти по китайскому пути? // Вестник Европы. № 38. С. 105–113.
- Хе Генциян. (2012). Прозападная ориентация экономической науки — одна из важнейших причин распада СССР: размышления над программой «500 дней» // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China). С. 105–115.
- Чень Чжихуа. (2012). Новые размышления над резкими изменениями, произошедшими в СССР // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China). С. 164–168.
- Acemoglu Daron; Robinson James A. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business.
- Allen R.C. (1979). International competition in Iron and Steel, 1850-1913 // Journal of Economic History. Vol. 39. Pp. 911–937.
- Allen R.C. (2003). Farm to Factory: A Reinterpretation of Soviet Industrial Revolution. Princeton: Princeton University Press.
- Berliner J.S. (1976). The Innovation Decisions in Soviet Industry. Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Castells M. (1998). The End of the Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge. MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Easter G.M. (2007) Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press.
- Easterly W., Fischer S. (1995). The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review. Vol. 9. Pp. 341–371.
- Ellman M. (2004). Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review. Vol. 63. No. 4. Pp. 841–849.
- Getty J. A. (2013). Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. Yale: Yale University Press.
- Graham L. (2013) Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge, London: The MIT Press.
- Gregory P.R. (2004). The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harrison M. (1993). Soviet economic growth since 1928: The alternative statistics of G. I. Khanin // Europe-Asia Studies. Vol. 45 (1). No. 1. Pp. 141–167.
- Hosking G. (2000). Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review. Vol. 78. No. 2. Pp. 301–320.
- Jensen M., Meckling W. (1976). Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. Vol. 3. No. 4. Pp. 305–360.
- Kotkin S. (2008). Armageddon averted. The Soviet Collapse, 1970–2000. Oxford: Oxford University Press.
- Lewin M. (2005). The Soviet Century. London: Verso.
- Malia M. (1994). The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. ew York: The Free Press.
- Mawdsley E., White S. (2000). The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members, 1917–1991. Oxford: Oxford University Press.

Veitzman M. L. (1970). Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review. № 5 (60).

Ермолов Арсений Юрьевич

fhctybq@mail.ru

Arseniy Ermolov

Ph.D. (History), Senior Researcher at the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

fhctybq@mail.ru

THE VIEWS OF MODERN FOREIGN SCIENTISTS ON THE ECONOMIC PROBLEMS OF THE LATE USSR

Abstract. In this report, the author describes the views of modern foreign historians, economists and political scientists on the economic problems of the late USSR. It is believed that the reaction to these problems led to economic and political reforms that eventually formed the Russian Federation as it is now. But was the diagnosis made correctly? Modern foreign researchers have proposed a number of their own interpretations of the economic problems of the late USSR, which in some ways overlap and in some ways contradict each other. Everyone sees some important factors, but ignores others. These differences are determined by previous research activities and previously formed views. Since these views and experiences differ, a unified position on such a complex issue becomes impossible. Nevertheless, each position can have useful ideas, or at least some reasons to think again about the need for additional study of seemingly long-established facts. For example, what were the actual reasons for the decline in aggregate factor productivity? An example of a useful idea that needs to be developed further is the need to study the processes that took place in the elite. We must admit that the elite is important for the development of the economy. Studying the views of foreign authors helps identify «cognitive structures» that create explanations for past events, and «blind spots», that is, those obvious phenomena or processes that are perceived as nonexistent. Such blind spots are unavoidable for both Russian and foreign authors, and a comparison of views gives a chance to see them in both. The first part of the article examines the views of scientists who developed the concepts that existed before the collapse of the USSR.

Keywords: *Economic history of the USSR, collapse of the USSR, planned economy, socialism, market reforms, institutions, elites, bureaucracy.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. — New York: Crown Business. (In Russian).*
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2016). Why Some Countries Are Rich and Others Are Poor. The Origin of Power, Prosperity and Poverty. Moscow: AST (In Russian).*
- Allen R.C. (1979). International Competition in Iron and Steel, 1850–1913 // Journal of Economic History. Vol. 39. Pp. 911–937.*
- Allen R.C. (2003). Farm to Factory: A Reinterpretation of Soviet Industrial Revolution. Princeton: Princeton University Press.*
- Allen R.C. (2013). Farm to Factory: A Reinterpretation of Soviet Industrial Revolution. Moscow.: ROSSPEN. (In Russian).*
- Arslanov V.V. (2016). Geography, institutions and history of global inequality: a critique of the concept of economic development of Acemoglu and Robinson. Scientific report, preprint. Moscow: Institute of Economics. (In Russian).*
- Berliner J.S. (1976). The Innovation Decisions in Soviet Industry. Cambridge; Mass.: The MIT Press.*
- Castells M. (1998). The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge: MA; Oxford, UK: Blackwell.*
- Castells M., Kisileva E. (1999). The crisis of post-industrial statism and the collapse of the Soviet Union // Mir Rossii. №3. Pp. 3–56. (In Russian).*
- Chen Zhihua (2012). New reflections on the dramatic changes that occurred in the USSR // History reflects on this. Notes on the 20th anniversary of the collapse of the USSR. Beijing: Social Sciences Academic Press (China). Pp. 164–168. (In Russian).*
- Easter G.M. (2007). Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press.*
- Easter G.M. (2010). Soviet state construction. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).*

- Easterly W. Fischer S.* (1995). The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review. Vol. 9. Pp. 341–371.
- Ellman M.* (2004). Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review. Vol. 63. No. 4. Pp. 841–849.
- Ermolov A. Ju.* (2013). State Management of the Military Industry in the 1940s: the Tank Industry. Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian)
- Gaidar E.T.* (2006). Collapse of the Empire: lessons for modern Russia. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Getty J. A.* (2013). Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. Yale: Yale University Press.
- Getty J. A.* (2016). Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Glovely G.* (2009). Geopolitical economy in Russia: from the discussion of identity to global models (XIX-the first third of the XX century). Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian).
- Graham L.* (2013). Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge: London: The MIT Press.
- Graham L.* (2014). Can Russia Compete? History of Innovation in Tsarist, Soviet, and Modern Russia. Moscow: Izdatelstvo «Mann, Ivanov i Ferber». (In Russian).
- Gregory P.R.* (2004). The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gregory P.* (2006). The Political Economy of Stalinism. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Gregory P.* (2014). Why the Soviet Economy Collapsed. // Vestnik Evropy. №38–39. Pp. 114–123 (In Russian).
- Harrison M.* (1993). Soviet economic growth since 1928: The alternative statistics of G. I. Khanin // Europe-Asia Studies. Vol. 45 (1). No. 1. Pp. 141–167.
- Harrison M.* (2014). Stumbling bear, flying dragon: could the Soviet Union have followed the Chinese path? // Vestnik Evropy. № 38. Pp. 105–113 (In Russian).
- Hayek F.* (1992). The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. Moscow: Novosti. (In Russian).
- He Genqiang* (2012). Pro-western orientation of economic science- one of the most important reasons for the collapse of the USSR: reflections on the program «500 days» // History reflects on this. Notes on the 20th anniversary of the collapse of the USSR. Beijing: Social Sciences Academic Press (China). Pp. 105–115. (In Russian).
- Hosking G.* (2000). Patronage and the Russian State// Slavonic and East European Review. Vol. 78. No. 2. Pp. 301–320.
- Jensen M., Meckling W.* (1976). Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. Vol. 3. No. 4. Pp. 305–360.
- Khanin G.I* (1991). Dynamics of economic development of the USSR. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Khanin G.I., Selyunin V.I.* (1987). Fake Number // Novyj mir. № 2. Pp. 181–201 (In Russian).
- Kotkin S.* (2008). Armageddon averted. The Soviet Collapse, 1970–2000. Oxford: Oxford University Press.
- Kotkin S.* (2018). Armageddon averted. The Soviet Collapse, 1970–2000. Moscow.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Lewin M.* (2005). The Soviet Century. London: Verso.
- Lewin M.* (2008). The Soviet Century. Moscow: «Evropa». (In Russian).
- Li Shenming* (2014). Corruption of the CPSU — the Root Cause of the Collapse of the USSR // History Reflects on This. Notes on the 20th Anniversary of the Collapse of the USSR. Beijing: Social Sciences Academic Press (China). Pp. 1–65. (In Russian).
- Malia M.* (1994). The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: The Free Press.
- Malia M.* (1997). From Under the Rocks, but What? // Otechestvennaya Istoriya. No. 5. Pp. 93–109. (In Russian).
- Malia M.* (2002). The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia. 1917–1991. Moscow.: ROSSPEN. (In Russian).
- Mawdsley E., White S.* (2000). The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members, 1917–1991. Oxford: Oxford University Press.
- Mawdsley E., White S.* (2011). The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members. 1917–1991. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Mises L.* (1994). Socialism: An Economic and Sociological Analysis. M.: Catallaxy. (In Russian).
- Orekhovskiy P.A.* (2019). Cognitive structures and Russian reforms. Scientific report, preprint. Moscow: Institute of Economics. (In Russian).
- Voskoboynikov I.B., Dryabina E.V.* (2010). Historical statistics of capital stock of Russian industry in 1970–2004 // Voprosy statistiki. №3. Pp. 28–45. (In Russian).
- Weitzman M. L.* (1970). Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review. № 5 (60).
- Zaparij V.V.* (2007). Ferrous metallurgy of the Urals in the 1970s. Ekaterinburg: Izd-vo UMC-UPI (In Russian).